

Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века./ Сост. и подгот. текста А. Рогинского. -- М.: Худож. лит., 1989.

(Классики и современники. Русская классич. лит-ра).

OCR Бычков М. Н.

I

-- А что, Волчок, воротился Тихон Никитич от государя? -- спросил князь Петр Иванович Прозоровский у круглого карлика, который лежал на окне, как кот, и, прищурясь, грелся на солнышке.

-- Ох-ох-ох! Петруша! -- отвечал карлик.-- Такое безвременье! Ночи не спим; пишем да пишем; государь сто раз на день спрашивает; а тут еще в монастыре так тесно! В одной келье и боярин, и я думаем, и дьяки пишут, и допросы чиним, а обедать изволь в трапезу, а отец Сильвестр такой скупой: вчера был пяток, и рыбы не дал, как будто мы монахи с Андрюшкой; я еще, чай, проживу, а уж дьяк Андрюшка не выдержит. Уж когда Успение было! Отец Сильвестр и на осень не глядит, печек не топит; видишь, у него на монастыре лето, а за оградой мороз.

-- Полно, Волчок, стерпится-слюбится; к Рождеству, даст Бог, в Москву перееедем,-- сказал князь, улыбаясь.

-- К Рождеству, Петруша? -- завопил карлик.-- Умру, ей-богу, умру,-- и заплакал.

Вошло несколько человек, и князь оставил карлика, который полежал, позевал, да с горя и заснул.

-- А, генерал, давно ли из Москвы?

-- Счас с места,-- отвечал Гордон.

-- Были у государя?

-- Был.

-- Ну, что в Москве?

-- Очень смешно, князь.

-- Как смешно? То есть весело, хотели вы сказать?

-- Нет, нет! Никакая ошибка не есть! Очень смешно: царевна велит стрельцам на поход, а стрельцы плакают, ломают руки, ходят в церкви; бояры делают один другому визит день и ночь и ни на какое дело решиться не могут. Я получил указ и пошел кланяться к Василию Василичу Голицыну. Старший человек в Москве и от государя еще абшид имеет! Он меня посылал кланяться к Софье Алексеевне и к Ивану Алексеевичу. Я отвечал: имейте милость, князь, меня извинить, я не могу, в указе не есть сказано. И я прямо от вас к солдатам, а потом в Троицкий монастырь. Адъё!

Вошел боярин Борис Алексеевич Голицын. За ним толпа разного рода сановников, стрелецкий полковник Циклер и другие.

-- Что, не возвращался Тихон Никитич? -- спросил боярин.

-- Нет еще.

-- Плохо, плохо. Чем все это кончится? -- сказал боярин, ходя по узкой комнате, где едва давали ему дорогу присутствовавшие, прижимаясь к стенкам.

-- Что, плохо, боярин? -- спросил князь.

-- Плохо, плохо. Миру не будет. Беда, как человек в осмнадцать лет, а ум в сорок!

-- Да отчего ж беда?

-- Упрямится! Миру не бывать. Слушать ничего не хочет! Судит всех, да и только, всех судит по отцову закону нещадно: и сестру-царевну, и князь Василья Васильича Голицына, и князь Алексея Васильича Голицына, и Леонтия Романовича Нешдаева, всех, всех! Удивил! Просто удивил! Патриарха хотел судить, да Иоаким покаялся и, что царевна говорила, все выдал. Плохо, плохо!

-- Да отчего же плохо?

-- Да оттого плохо, князь, что я за Василия больно боюсь.

-- Свой своему поневоле друг; оно так, Борис Алексеевич, да не бойся: князь Василий на честной службе вырос, ума ему не занимать, грешного совета не подаст.

-- То-то и беда, что советовал царевне в Польшу бежать.